

Приложение № 43

Липухин Павел Афанасьевич, 1906 г. рождения.

В 1935 г. закончил Ленинградский Институт Инженеров Водного Транспорта. По окончании, получил направление в Сибирь. В 1936 г. во время партийной чистки, исключили из членов ВКП(б), но партбилет вернули. Злоключения на этом не кончились. В 1937 г. сняли с работы и направили в г. Новосибирск, осенью 1937 г. перевели в г. Барнаул, а там во всю уже шли аресты. Отобрали партбилет, уволили с работы, а 17.10.1938 г. арестовали. Поместили в Барнаульский ДПЗ. Там встретил много знакомых, Сименихина, например. Его требовали подписать дурацкие обвинения, били, на одиннадцатый раз подписал. Плакал, говорил, что расстреляют. Расстреляли.

Мой следователь Соломин был доброжелателен, я не подписал. Соломина самого арестовали. Дали другого следователя. Тот угрожал оружием, садили на круглый стул, на краешек, шевелиться не давали, держали долго, пинали, обвиняли в аварии на производстве. Не подписал. Через месяц отправили в тюрьму. Камера большая, полно народу, спал на бетонном полу. Ночью 1 – 2 с вещами уводили. Просидел там месяц, вызвали всю камеру, помыли в бане и отправили на этап. Пешком повели на вокзал, в пути нас рвали собаки, их специально натравливали. Вели ночью. В вагоне, через окно увидел жену арестованного Сергеева, а он, якобы, меня завербовал. Семью выгнали, а нас повезли на восток. В Улан-Удэ была „пересылка”, отправили в лагерь, строили дорогу Улан-Удэ – Кяхта, валили лес. Люди отошали, дистрофия, а вечерами расстреливали по 50 человек, в основном беглецов.

Хотел бежать, нашел напарника, но он оказался „сексотом”. Утром сказали: „ Иди по дороге”, я пошел. Беглецов ловили буряты за 20 рублей. Пришел в командировку – зону. Там было много собрано народу. Оттуда отправили на Колыму.

Привезли во Владивосток. В пути давали соленую рыбу, а пить не давали. Начался тиф. Во Владивостоке тоже кормили соленой рыбой, а с водой тоже проблемы были. Держали в карантинном бараке, тиф не взял меня, но заболел куриной слепотой. Там был барак матери и ребенка, я носил туда дрова. Это еще во Владивостоке. Умерло 8 тысяч, осталось 3 тысячи и весной погрузили на пароход с прицепленными к нему бревнами и отправили нас на Колыму.

В Магадане всех рассортировали. Крепких здоровьем отправили на рудник, слабых на „командировку” поправлять здоровье.

Затем работал в забое, было 12 забоев, я был механиком. Это меня и спасло, затем был слесарем. Работали день и ночь, а людей расстреливали за одно слово.

Потом отправили в Магадан, опять на „пересылку”, а там УРЧ (управление рабочей части) отправило работать на строительство дороги до Неры. После Неры строили дорогу к Алдану, затем строительство дорог

Бодоголах. Меня часто отправляли в штрафную зону. Был случай, зимой на дорогах заносы, машины не проходят. Меня избили, и я убежал на другую командировку.

В 1947 году освободили, но на „Материк” – не пустили, оставили на Колыме.

Начальником Управления был генерал Рыбалко. До 1953 года строили дороги. Работал в Управлении Дорожного Строительства. Паспорт получил в п. Ягодное. В Магадане месяц ждал парохода, чтобы уехать на „Материк”. Приехал в Томск, на работу не принимали. Как бывшего зэка, обвиненного во вредительстве, терроризме, КРД (Контрреволюционная Деятельность). Приговор тогда зачитали в тюрьме.

Заведующий Томским Облоно, Шипулин, к которому я обратился после мытарств по трудоустройству, отправил работать учителем в п. Белый Яр, затем в с. Кожевниково. Потом работал преподавателем черчения в Томском Лесотехникуме. Сам я родом из села Воронова. В лагере в разговоры старался не входить, т.к. в случае, если „стуканут” – расстрел. Колымские строительные лагеря состояли из командировки, участков, дистанций. Страшным был рудник „Днепровское”. Это – каторга, зэки с бирками на одежде. По сути, это зона в зоне.

Со слов Липухина записал Девянин С. А.
1987 г. г. Томск